

Научная статья
УДК 330.101.541
DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1334

Olga Alekseevna Nikolaichuk
Doctor of Economics,
Professor of the Department of Economic Theory,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
18111959@mail.ru

Anna Viktorovna Shevchenko
student of the Department of Economic Theory,
field of training 38.03.01 — Economics,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
236955@edu.fa.ru

Ольга Алексеевна Николайчук
д-р экон. наук,
профессор кафедры экономической теории,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
18111959@mail.ru

Анна Викторовна Шевченко
студент кафедры экономической теории,
направление подготовки 38.03.01 — Экономика,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
236955@edu.fa.ru

ИНСТРУМЕНТЫ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ (ОПЫТ ВЕДУЩИХ СТРАН)

5.2.1 — Экономическая теория

Аннотация. В условиях нарастающей волатильности мировой экономики и усиления структурных вызовов, встающих перед национальными финансовыми системами, вопросы регулирования денежной массы и процентных ставок приобретают ключевое значение для обеспечения макроэкономической стабильности и стимулирования устойчивого роста. В статье представлен комплексный анализ структуры денежной массы и динамики ключевой процентной ставки в Российской Федерации с учетом сравнительной оценки соответствующих параметров в экономических системах США и Китая в период с 2018 по 2025 г. Выявлены взаимосвязи между агрегатами денежной массы и процентными ставками, а также в определении применимых для России элементов зарубежной практики монетарного регулирования. На основе сравнительного, структурного анализа, функциональных величин и зависимостей, а также элементов системного и институционального подходов проведен анализ изменения агрегатов M0, M1 и M2 в России в условиях пандемийного и санкционного давления, а также исследова-

на траектория ключевой процентной ставки как инструмента адаптации денежно-кредитной политики к внешним шокам. Рассмотрена специфика монетарных стратегий США и Китая — от жесткой антиинфляционной политики до модели управляемой денежной экспансии. Выявлены различия в институциональных подходах к управлению ликвидностью и денежным предложением, что позволило обосновать практические рекомендации для российской денежно-кредитной политики с учетом текущих ограничений и макроэкономических задач. Работа будет полезна тем, кто занимается вопросами трансформации денежного регулирования, обоснования направлений повышения эффективности монетарной политики России в условиях внешнего давления и внутренней перестройки.

Ключевые слова: денежная масса, ключевая ставка, денежно-кредитная политика, Центральный банк, макроэкономическая стабильность, инфляция, процентное регулирование, финансовая система, инструменты денежно-кредитной политики, модели денежно-кредитной политики

Для цитирования: Николайчук О. А., Шевченко А. В. Инструменты денежно-кредитной политики (опыт ведущих стран) // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 2(71). С. 204—210. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1334.

Original article

MONETARY POLICY INSTRUMENTS (EXPERIENCE OF LEADING COUNTRIES)

5.2.1 — Economic theory

Abstract. In the context of the increasing volatility of the global economy and the increasing structural challenges facing national financial systems, the issues of regulating the money supply and interest rates are becoming key to ensuring macroeconomic stability and stimulating sustainable growth. A comprehensive analysis of the structure of the money supply and the dynamics of the key interest rate in the Russian Federation is presented, taking into account a comparative assessment of the relevant parameters in the economic systems of the United States and China in the period from 2018 to 2025. The inter-

relationships between the aggregates of the money supply and interest rates are revealed, as well as in determining the elements of foreign monetary regulation practice applicable to Russia. Based on comparative, structural analysis, functional quantities and dependencies, as well as elements of systemic and institutional approaches the analysis of changes in the M0, M1 and M2 aggregates in Russia under pandemic and sanctions pressure is carried out, and the trajectory of the key interest rate as a tool for adapting monetary policy to external shocks is studied. The specifics of the monetary strategies of the United

States and China are considered, from a strict anti-inflationary policy to a model of controlled monetary expansion. Differences in institutional approaches to managing liquidity and money supply are identified, which makes it possible to substantiate practical recommendations for Russian monetary policy, taking into account current constraints and macroeconomic challenges. The work will be useful to those who deal with the transfor-

mation of monetary regulation, substantiating the directions for improving the effectiveness of Russia's monetary policy in the face of external pressure and internal restructuring.

Keywords: money supply, key rate, monetary policy, Central Bank, macroeconomic stability, inflation, interest rate regulation, financial system, monetary policy instruments, monetary policy models

For citation: Nikolaichuk O. A., Shevchenko A. V. Monetary policy instruments (experience of leading countries). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;2(71):204—210. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1334.

Введение

Актуальность. Регулирование денежной массы и процентных ставок в различных государствах приобретает особую значимость в условиях экономической нестабильности, усиления инфляционных процессов и структурных изменений в мировой экономике и финансовой системе. Вопросы, связанные с объемом денежной массы и величиной процентных ставок, приобретают особую актуальность в условиях трансформации мировой финансовой системы и макроэкономической среды. Анализ структуры денежной массы и динамики процентных ставок позволяет выявить, насколько эффективно центральные банки управляют этими инструментами, какое влияние они оказывают на стимулирование (замедление) экономического роста и обеспечение устойчивости национальной валюты.

Изученность проблемы. Денежно-кредитную политику анализируют с разных сторон. Е. Л. Васянина рассматривает нормативно-правовые механизмы, регулирующие объем денежного предложения [1]. О. В. Вершинина, Ю. А. Кувшинова, Г. И. Москвитин, И. С. Султанов анализируют подходы к регулированию ликвидности и инфляции в США и Китае в постковидный период [2]. Н. Л. Воронина подчеркивает влияние изменений ключевой процентной ставки на объем кредитования, ликвидность и прибыльность банков в России [3]. М. Ю. Головин анализирует реакцию Банка России на санкционные ограничения, инфляционные всплески и изменение внешнеэкономических условий в 2022—2023 гг. [4]. А. А., А. И. и И. А. Демиденко прослеживают связь между объемом денежной массы и динамикой ВВП в российской экономике, делает вывод о наличии умеренной положительной зависимости [5]. О. М. Бережных и Т. Е. Хорольская рассматривают оптимальность соотношения наличных и безналичных денежных средств в современной России [6]. Н. А. Левченко выявляет влияние структуры денежной массы в России и развитых странах на стабильность финансовой системы [7]. М. Ю. Малкина и И. А. Моисеев исследуют структурные изменения в механизме формирования денежного предложения в России и делают акцент на его эндогенной природе [8]. П. М. Мозиас подробно исследует структуру и эффективность каналов трансмиссии монетарной политики в экономике Китая [9]. О. А. Николайчук рассматривает цифровизацию в банковской сфере с точки зрения ее влияния на экономический рост [10]. Н. В. Перловская вскрывает теоретические и методологические трудности в интерпретации и анализе денежной массы как экономической категории в условиях современной макроэкономической нестабильности [11]. М. Т. Саламова проводит обзор практики применения программ количественного смягчения денежно-кредитной политики в США, Европейском Союзе и Японии, оценивает их эффективность в посткризисный период [12]. Д. А. Самотос проводит

сопоставление инструментов и целей денежно-кредитной политики в России и США, подчеркивает различия в институциональной логике принятия решений [13]. У Линь, Ван Цзыин, Ли Кайхан проводят сравнительный анализ монетарных стратегий Китая и России [14]. Т. В. Фурсовой обозначены актуальные проблемы российской денежно-кредитной политики, включая инфляционные риски и вызовы трансформационного периода [15]. Э. Р. Ханиева и А. Ю. Алексин исследуют историческую трансформацию денежно-кредитной политики США, с акцентом на реакцию Федеральной резервной системы (далее — ФРС) на глобальные экономические кризисы [16]. С. Р. Царегородцевой, О. Ю. Тихоновой, Т. В. Котовой, А. С. Евдокимовой оценивается влияние санкций на национальную экономическую безопасность Российской Федерации [17]. Каждый из авторов рассматривает различные инструменты денежно-кредитной политики без сопоставления в страновом разрезе.

Целесообразность разработки темы. Исследование изменений денежной массы и процентных ставок призвано показать эффективность денежно-кредитной политики, дает возможность определить сильные стороны и выявить уязвимые места финансовых систем различных стран, оценить возможность использования мирового опыта в российской денежно-кредитной политике.

Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке взаимосвязей между динамикой агрегатов денежной массы и ключевой процентной ставкой трех ведущих экономик мира. Внимание сфокусировано на специфике изменений в структуре денежной массы в России, США и Китае в условиях пандемии и санкционной изоляции, а также подходы к регулированию этих изменений. Выделены элементы зарубежных моделей, которые можно применить в российской финансовой системе в целях ее совершенствования.

Цель исследования — выявление взаимосвязи между структурой денежной массы и динамикой ключевой процентной ставки в Российской Федерации, а также формирование предложений по совершенствованию отечественной денежно-кредитной политики на основе анализа зарубежного опыта США и Китая. **Задачи исследования:** проанализировать структуру денежных агрегатов в России, США и Китае и выявить ключевые изменения в 2018—2025 гг., исследовать динамику ключевой ставки в России, США и Китае, выявить причины и последствия ее изменений в различных макроэкономических условиях, сформулировать практические рекомендации по использованию элементов зарубежного опыта для эффективности российской денежно-кредитной политики.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и уточнении понятийного аппарата, связанного с денежной массой и ключевой процентной ставкой, а также в обосновании взаимосвязи между их динамикой и эффективностью денежно-кредитной политики.

Практическая значимость работы состоит в выявлении конкретных направлений по совершенствованию российской денежно-кредитной политики на основе использования отдельных элементов успешного зарубежного опыта.

Основная часть

Методология. Теоретико-методологическую базу для исследования составили труды экономистов, посвященные изучению денежно-кредитной политики, ее целей и инструментов. В качестве методов исследования использовались: анализ и синтез, метод научной абстракции, индуктивно-дедуктивный метод, метод исторического и логического подходов. В работе использовались статистические данные, что позволило оценить мировую практику регулирования кредитно-денежной политики государств и предложить направления заимствования инструментов денежно-кредитной политики для России из опыта ведущих стран мира.

Результаты исследования

1. Модели денежно-кредитной политики ведущих стран мира в современных условиях. В современной литературе понятие «денежная масса» используется в двух контекстах: экономическом и статистическом. Экономический контекст заключается в рассмотрении влияния обращения наличности, скорости обращения денежных средств на уровень цен и покупательную способность национальной денежной единицы. Статистический контекст состоит в исследовании денежной массы в качестве совокупности эмитированных Банком России наличных денежных средств (банкнот и монет), депозиты населения, депозиты финансовых и нефинансовых организаций (близко к определению, данному Центральным банком) [9].

Денежная масса всегда измеряется в национальных денежных единицах страны в отличие ВВП, измерение которого ведется в долларах США [6]. Анализ структуры денежной массы в пределах функционирования российской экономики является одной из ключевых задач, создающих возможность правильного функционирования финансовой системы и обеспеченность реального сектора экономики денежными ресурсами [3; 7].

В период с 2018 по 2025 г. три ведущие экономики мира — Россия, США и Китай — продемонстрировали существенно различающиеся модели изменения денежной массы, каждая из которых несет в себе отпечаток не только национальных финансово-институциональных систем, но и макроэкономических стратегий, применяемых центральными банками в условиях кризисов и трансформации денежного обращения.

А) Модель российской адаптации. Россия в указанный период прошла через череду жестких экзогенных испытаний: пандемия COVID-19, последовавшие за ней санкционные ограничения, международная финансовая изоляция, структурная перестройка экономики в сторону технологического и валютного суверенитета. На фоне этих факторов рост всех ключевых агрегатов денежной массы: наличные деньги в обращении ($M0$); сумма наличных денег ($M0$ и безналичных денег во вкладах до востребования и на расчетных счетах организаций и предпринимателей ($M1$); сумма вышеуказанных показателей ($M1$) и срочных вкладов в рублях резидентов России ($M2$) — носил не только реактивный, но и стратегический характер [5]. Агрегат $M0$ увеличился более чем в два раза, особенно резко в 2020—2021 гг. (см. табл. 1). Параллельно государство осуществляло активную политику трансфертов и поддержки

населения, значительная часть которой реализовывалась в наличной форме, усиливая отток средств из безналичного сектора [1].

Таблица 1

Динамика изменения показателей $M0$, $M1$ и $M2$ в России в 2018—2025 гг., трлн руб.

Дата	Денежный агрегат $M0$	Денежный агрегат $M1$	Денежный агрегат $M2$
01.01.2018	8,45	19,51	42,44
01.01.2019	9,34	21,62	47,11
01.01.2020	9,66	23,86	51,66
01.01.2021	12,52	31,79	58,65
01.01.2022	13,20	36,01	66,25
01.01.2023	15,44	44,02	82,39
01.01.2024	17,13	49,69	98,39
01.01.2025	17,27	51,72	117,26

Примечание: сост. на основе данных официального сайта Банка России (<https://cbr.ru/statistics/ms/>).

Агрегат $M1$ продемонстрировал почти трехкратный рост. Особенно характерен рост в 2022—2024 гг., когда в условиях отключения от российской финансовой система активизировала механизмы внутренней ликвидности. Банковский сектор усилил работу с населением и бизнесом в рамках национальной платежной среды.

Удвоение $M2$ связано как с краткосрочным стимулированием экономики в 2020—2021 гг., так и с последующим увеличением рублевых депозитов в условиях возврата к высокой ключевой ставке. Таким образом, структура денежной массы в России менялась неравномерно. Поведение агрегатов четко коррелировало с циклами денежно-кредитной политики Банка России и структурной трансформацией национальной экономики [8].

Б) Модель американской волатильности. Совсем иной характер имела динамика денежной массы в США. ФРС, опираясь на концепцию количественного смягчения и нулевых ставок, фактически наводнила экономику ликвидностью, с целью удержать потребительский и инвестиционный спрос. В результате агрегат $M1$ увеличился почти в шесть раз за два года — с 3,6 до более чем 20 трлн долларов (табл. 2). Трансферты гражданам, программы поддержки бизнеса, скупка гособлигаций и ипотечных бумаг усилили мультипликативный эффект, вызвав временный «перегрев» денежного предложения [8].

Таблица 2

Динамика изменения показателей $M0$, $M1$ и $M2$ в США в 2018—2025 гг., трлн долларов

Дата	Денежный агрегат $M0$	Денежный агрегат $M1$	Денежный агрегат $M2$
01.01.2018	3,82	3,66	13,88
01.01.2019	3,35	3,75	14,45
01.01.2020	3,44	3,99	15,48
01.01.2021	5,25	18,09	19,36
01.01.2022	6,1	20,52	21,59
01.01.2023	5,33	19,53	21,2
01.01.2024	5,84	17,94	20,78
01.01.2025	5,61	18,46	21,58

Примечание: сост. на основе данных официального сайта ФРС США (<https://fred.stlouisfed.org/series/M2SL>).

Начиная с 2022 г., в условиях роста инфляции, ФРС перешла к рестриктивной политике. Повышение ключевой ставки до 5 % и выше сопровождалось постепенным оттоком ликвидности из M1, восстановлением сберегательной модели поведения, стабилизацией агрегата M2. Если в первой фазе анализируемого периода американская денежная масса выполняла роль амортизатора шока, то во второй стала объектом сознательного сжатия с целью сгладить инфляционные ожидания. Эта смена — от стимулирования к торможению — демонстрирует уязвимость либеральной финансовой модели к внешним и внутренним шокам [15].

В) Модель китайского стратегического управления.

В Китае трансформация денежной массы с самого начала носила управляемый характер. Под контролем Народного банка Китая структура агрегатов развивалась в сторону поддержки внутреннего инвестиционного спроса, модернизации промышленности и стимулирования корпоративного сектора [13]. M0 увеличился с 7,5 до 14,2 трлн юаней, отражая рост необходимости наличных денег в сельских и отдаленных регионах (табл. 3).

Таблица 3

Динамика изменения показателей M0, M1 и M2 в Китае в 2018—2025 гг., трлн юаней

Дата	Денежный агрегат M0	Денежный агрегат M1	Денежный агрегат M2
01.01.2018	7,46	54,3	172
01.01.2019	8,75	54,6	187
01.01.2020	9,32	54,6	202
01.01.2021	8,96	62,6	221
01.01.2022	10,6	61,4	243
01.01.2023	11,5	65,5	274
01.01.2024	12,1	69,4	298
01.01.2025	14,2	112	318

Примечание: сост. на основе данных сайта *Trading Economics* (<https://tradingeconomics.com/china/money-supply-m2>).

M1 — агрегат, в китайской статистике состоящий из наличных и корпоративных депозитов до востребования

(без домохозяйств), — до 2022 г. оставался стабильным, но потом резко увеличился, достигнув 112 трлн юаней к 2025 г. Это отражает фазу оживления экономики, мобилизацию внутренних ресурсов. Возросла роль внутренних расчетов, появились стимулы к отказу от долларовых транзакций, что усилило роль юаня.

Агрегат M2 плавно рос: с 172 до 318 трлн юаней. Моне-тарная экспансия в период пандемии сочеталась с программами инфраструктурных инвестиций, льготного кредитования и рефинансирования. Нарастание денежной массы сопровождалось относительно низким уровнем инфляции, что стало возможным, благодаря высокому уровню сбережений, контролю над оттоком капитала и жесткому административному управлению финансовыми потоками. С 2023 г. регулятор начал возврат к более умеренной политике, сдерживая избыточную ликвидность [9].

Итак, сопоставляя три модели, отметим, что структура денежной массы неразрывно связана с политическим курсом государства и особенностями национальной финансовой системы. Там, где преобладает централизованный контроль (Китай), денежная масса растет вместе с макроэкономическими показателями. Там, где экономика более либеральна (США), агрегаты реагируют на политические события. В России — смешанный тип: попытка сохранить контроль и гибкость одновременно, при этом обеспечивая устойчивость в условиях внешнего давления [2].

2. Ставка рефинансирования (ключевая ставка) как ведущий инструмент денежно-кредитной политики развитых государств. Ключевая ставка в России сначала отражала мягкую антициклическую реакцию на пандемийный спад, а затем — резкое ужесточение в ответ на геополитические и инфляционные шоки (см. рис.). Снижение ставки с 7,75 % в 2018 г. до 4,25 % в 2021 г. позволило временно активизировать потребительский и инвестиционный спрос. Однако начиная с 2022 г., в условиях разрыва внешнеэкономических связей и ускорения инфляции, Центральный банк был вынужден последовательно повышать ставку, доведя ее к 2025 г. до 21 %. Эта жесткая политика сыграла ключевую роль в сохранении макроэкономической устойчивости, сдерживании девальвационных ожиданий и поддержании рублевой ликвидности [14].

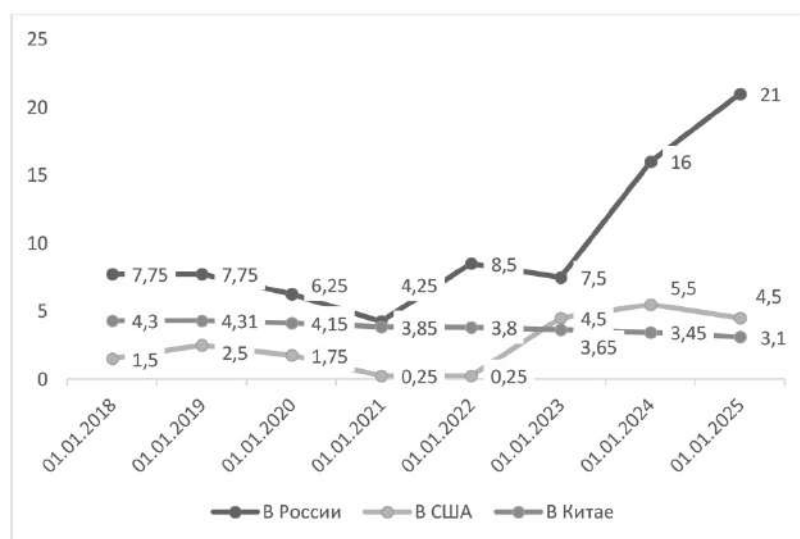

Рис. Динамика ключевой ставки в России, США и Китае в 2018—2025 гг. [сост. на основе данных официального сайта Банка России (https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/) и сайта *Trading Economics* ([https://ru.tradingeconomics.com/china/interest-rate](https://ru.tradingeconomics.com/china/interest-rate;); <https://ru.tradingeconomics.com/united-states/interest-rate/>)]

Американская модель: после короткого периода нормализации в 2018—2019 гг., когда ставка достигала 2,5 %, ФРС радикально снизила ее до 0,25 % в 2020 г. на фоне пандемии. Лишь в 2022 г. регулятор начал цикл повышения, достигнув к 2023 г. 5,5 %. Это решение сопровождалось снижением спроса и постепенным снижением инфляции. Однако в отличие от российской модели, в США корректировка ставок осуществлялась более мягко: в 2024—2025 гг. ставка стабилизировалась на уровне 4,5 % при сохранении контроля над инфляционными ожиданиями [13].

Китайская монетарная политика отражает переход к длительной фазе стимулирования в условиях дефляционного давления и замедления роста. Ключевая ставка в Китае снизилась с 4,3 % в 2018 г. до 3,1 % в 2025 г. Регулятор последовательно смягчал условия финансирования на фоне снижения инфляции. Такой подход оказался эффективным в условиях административно управляемой экономики, где центральный банк сохраняет высокий уровень контроля над распределением ликвидности и имеет возможность таргетировать отдельные секторы с учетом долгосрочных приоритетов развития.

В совокупности анализ динамики ключевых ставок в России, США и Китае показывает различия не только в уровне монетарного реагирования, но и в характере институциональной среды. Там, где финансовая система жестко встроена в государственную стратегию (Китай), ставка используется как тонкий инструмент макроастройки. В либеральной модели (США) ставка служит индикатором и драйвером рыночных ожиданий. В России ставка выполняет роль регулятора инфляции и инструмента защиты финансового суверенитета, выступая стабилизатором в условиях экзогенного давления.

Заключение

В результате сравнительного анализа денежно-кредитной политики США и Китая можно выделить ряд подходов, потенциально применимых в российской практике. Оба государства демонстрируют высокий уровень адаптивности своих монетарных режимов к шоковым воздействиям. Для России это представляет значительный интерес в контексте продолжающегося санкционного давления, высокой инфляционной волатильности и необходимости стимулирования экономического роста.

Во-первых, Центральному банку РФ целесообразно активнее применять дифференцированные инструменты таргетирования ликвидности, аналогично практике ФРС. В условиях ограниченного доступа к внешнему финансированию и высокой зависимости от бюджетного импульса особую значимость приобретает способность точно регулировать денежные потоки внутри банковской системы. Применение временных процентных коридоров, механизмов обратного РЕПО, а также регулярное обновление прогнозов по денежному предложению способствуют повышению предсказуемости монетарной политики.

Во-вторых, положительный опыт Китая в сфере управляемого денежного расширения указывает на возможность гибкого подхода к регулированию денежной массы, не ограниченного исключительно процентными ставками. Китайская модель сочетает монетарную экспансию с жестким контролем над направлениями распределения ликвидности, что особенно важно в усло-

виях угрозы инфляционного перегрева или перераспределения ресурсов в спекулятивные сектора. Для России представляется целесообразным усиление селективного рефинансирования через ориентированные на промышленность или технологический сектор инструменты. Такая политика позволяет поддерживать инвестиционный спрос без чрезмерного общего увеличения денежной массы, что в конечном итоге способствует достижению экономического роста [10].

В-третьих, важным направлением заимствования является совершенствование системы публичной коммуникации Центрального банка. Опыт ФРС показал, что последовательная монетарная политика, на основе прогнозных ориентиров и экономических сценариев существенно повышает доверие к денежно-кредитной политике. В условиях высокой чувствительности рубля к ожиданиям особую актуальность приобретает прозрачность решений, предсказуемость действий регулятора и снижение информационной асимметрии между Центральным банком и рынками.

Оба иностранных примера подчеркивают важность гибкости инструментов в условиях кризиса: США — в части масштабной поддержки ликвидности, Китай — в части превентивного реагирования на дефляционные риски и управления денежной массой в среднем сроке. В российской системе важным шагом станет формализация сценарного подхода к монетарному регулированию с разработкой набора стратегий для различных внешне-экономических сценариев.

Итак, заимствование инструментов денежно-кредитной политики из практики США и Китая возможно при учете институциональной специфики России. Ключевыми направлениями выступают селективность денежной эмиссии, точность и прозрачность процентной политики, развитие коммуникационной функции регулятора и усиление связки между монетарной и структурной политикой. Интеграция этих подходов в национальную модель может способствовать повышению устойчивости финансовой системы в условиях структурных вызовов [4].

Проведенное исследование подтвердило ключевую роль процентной ставки в формировании эффективной денежно-кредитной политики. На примере России, США и Китая было выявлено, что в условиях нестабильности и внутренних вызовов, страны прибегают к существенно различным стратегиям регулирования ликвидности и стоимости заимствований. Российская модель отличается высокой чувствительностью к внешнеэкономическим факторам, что требует гибкого и своевременного управления денежной массой и ключевой ставкой, в то время как США демонстрируют технологически выверенный цикл от смягчения к ужесточению, а Китай опирается на централизованное управление ликвидностью с целью инвестиционного стимулирования.

На наш взгляд, для повышения эффективности российской денежно-кредитной политики целесообразно использовать отдельные элементы зарубежного опыта, а именно, инструменты таргетирования ликвидности, усиление связи монетарной и промышленной политики, а также развитие прозрачной системы взаимодействия Центрального банка с экономическими агентами. В совокупности эти меры позволят укрепить макроэкономическую устойчивость и обеспечить адаптивность финансовой системы к новым вызовам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васянина Е. Л. О правовых инструментах управления денежной массой // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 4(74). С. 108—120. DOI: 10.35231/18136230_2023_4_108.
2. Вершинина О. В., Кувшинова Ю. А., Москвитин Г. И., Султанов И. С. Анализ денежно-кредитной политики Китая и США в современных условиях // Финансово-экономические исследования. 2022. № 2. С. 8—13.
3. Воронина Н. Л. Сравнительная характеристика влияния ключевой ставки на основные показатели банковской системы Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 1-1(59). С. 66—69.
4. Головин М. Ю. Денежно-кредитная политика России: реакция на новые внешние вызовы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 7—20. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_7_20.
5. Демиденко А. А., Демиденко А. И., Демиденко И. А. Исследование зависимости между объемом денежной массы и величиной экономического роста в России // Эпомен: экономический науки. 2022. № 1. С. 284—290.
6. Бережных О. М., Хорольская Т. Е. Оптимальность соотношения наличных и безналичных денежных средств в современной экономике России // Вестник академии знаний. 2024. № 2(61). С. 485—488.
7. Левченко Н. А. Анализ влияния структуры денежной массы в России и развитых странах на стабильность финансовой системы // Аудиторские ведомости. 2023. № 4. С. 111—119.
8. Малкина М. Ю., Моисеев И. А. Эндогенность предложения денег в российской экономике в условиях смены монетарного режима // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 3. С. 8—27. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-3-8-27.
9. Мозиас П. М. Трансмиссионный механизм денежной политики в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9, Востоковедение и африканистика. 2022. № 4. С. 121—148.
10. Николаичук О. А. Цифровая экономика и экономический рост // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2025. № 1(69). С. 36—46. DOI: 10.26456/2219-1453/2025.1.036-046.
11. Перловская Н. В. Проблемные аспекты исследования денежной массы // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2022. № 9(63). С. 112—116.
12. Саламова М. Т. Программы количественного смягчения в денежно-кредитной политике зарубежных стран // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 8. С. 152—161. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-8-152-161.
13. Самотос Д. А. Сравнительный анализ реализации денежно-кредитной политики России и США // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2022. № 18. С. 184—187.
14. У Линь, Ван Цзынь, Ли Кайхан. Денежно-кредитная политика: теория, практика, национальный опыт КНР и РФ // Весенние дни науки ИнЭУ : сб. докл. междунар. конф. студентов и молодых ученых. Екатеринбург : Ажур, 2024. С. 1295—1299.
15. Фурсова Т. В. Денежно-кредитная политика России: проблемы и перспективы развития // Форум. 2022. № 3(26). С. 46—49.
16. Ханиева Э. Р., Алексин А. Ю. Денежно-кредитная политика США // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5-4. С. 139—142. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11034.
17. Царегородцева С. Р., Тихонова О. Ю., Котова Т. В., Евдокимова А. С. Санкции как угроза национальной экономической безопасности Российской Федерации // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 9. С. 2433—2444.

REFERENCES

1. Vasyanina E. L. About legal instruments for money supply management. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad legal journal*. 2023;4(74):108—120. (In Russ.) DOI: 10.35231/18136230_2023_4_108.
2. Vershinina O. V., Kuvshinova Yu. A., Moskvitin G. I., Sultanov I. S. Analysis of monetary policy of China and the USA in modern conditions. *Finansovo-ekonomicheskie issledovaniya = Financial and economic research*. 2022;2:8—13. (In Russ.)
3. Voronina N. L. Comparative analysis of the influence of the key rate on the core indicators of the Russian Federation banking system. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and business: theory and practice*. 2020;1-1(59):66—69. (In Russ.)
4. Golovnin M. Yu. Monetary policy in Russia: reaction to new external challenges. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023;1:7—20. (In Russ.) DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_7_20.
5. Demidenko A. A., Demidenko A. I., Demidenko I. A. A study of the relationship between the volume of money supply and the magnitude of economic growth in Russia. *Epomen: ekonomicheskie nauki = Epomen: economics*. 2022;1:284—290. (In Russ.)
6. Berezhnykh O. M., Khorolskaya T. E. Optimal ratio of cash and non-cash funds in the modern Russian economy. *Vestnik akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2024;2(61):485—488. (In Russ.)
7. Levchenko N. A. Analysis of the influence of the structure of the money supply in Russia and developed countries on the stability of the financial system. *Auditorskie vedomosti = Audit journal*. 2023;4:111—119. (In Russ.)
8. Malkina M. Yu., Moiseev I. A. Endogeneity of Money Supply in the Russian Economy in the Context of the Monetary Regime Change. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2020;12(3):8—27. (In Russ.) DOI: 10.31107/2075-1990-2020-3-8-27.
9. Moziyas P. M. Ways of a monetary pass-through in China's economy. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9, Vostokovedenie i afrikanistika = Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 9, Oriental and African studies*. 2022;4:121—148. (In Russ.)
10. Nikolaichuk O. A. Digital economy and economic growth. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Tver State University. Series Economics and Management*. 2025;1(69):36—46. (In Russ.) DOI: 10.26456/2219-1453/2025.1.036-046.

11. Perlovskaya N. V. Problematic aspects of money supply research. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Vladimira Dalya = Vestnik Lugansk Vladimir Dahl State University*. 2022;9(63):112—116. (In Russ.)
12. Salamova M. T. Quantitative easing programs in the monetary policy of foreign countries. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and business: theory and practice*. 2021;8:152—161. (In Russ.) DOI: 10.24412/2411-0450-2021-8-152-161.
13. Samotos D. A. Comparative analysis of monetary policy in Russia and the United States. *Obrazovanie i nauka bez granits: sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2022;18:184—187. (In Russ.)
14. Wu Lin, Wang Ziyang, Li Kaihang. Monetary policy: theory, practice, national experience of PRC and RF. *Vesennie dni nauki InEU = Spring Days of Science at the Institute of Economics and Management. Collection of reports of the International Conference of Students and Young Scientists*. Ekaterinburg, Azhur, 2024:1295—1299. (In Russ.)
15. Fursova T. V. Monetary policy of Russia: problems and development prospects. *Forum*. 2022;3(26):46—49. (In Russ.)
16. Khaniyeva E. R., Aleksin A. Yu. US monetary policy. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019;5-4:139—142. (In Russ.) DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11034.
17. Tsaregorodtseva S. R., Tikhonova O. Y., Kotova T. V., Evdokimova A. S. Sanctions as a threat to Russia's national economic security. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2024;18(9):2433—2444. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.18.9.121689.

Статья поступила в редакцию 12.05.2025; одобрена после рецензирования 31.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.
The article was submitted 12.05.2025; approved after reviewing 31.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.